

Пётр Никитич Ткачёв

**Новый фазис
революционного движения
(без илл.)**
(Статьи с сайта saint-juste.narod.ru)

Пётр Никитич Ткачёв (1844—1886) — деятель российского революционного движения, публицист, теоретик «якобинского» направления в народничестве. Из семьи мелкопоместных дворян.

В 1861 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, сразу принял участие в студенческих противоправительственных волнениях, за что был арестован и содержался два месяца в Kronstadtской крепости. В 1862 г. начал выступать в различных журналах, сдал экстерном экзамены и получил диплом кандидата права, не посетив ни одной лекции; участвовал в студенческом кружке, близком к «Земле и воле». В том же году вновь арестован и спустя два года приговорен к трем месяцам крепости за хранение прокламации Н.П. Огарева «Что нужно народу». В 1865 г. вышел на свободу, стал сотрудником журнала «Русское слово», а в 1866 г. — сотрудником журнала «Дело», сменившего закрытое «Русское слово», где публиковал рецензии, критические статьи на литературные, философские и юридические произведения

ния, статистические очерки, в которых максимально откровенно (насколько позволяла цензура) проводил социалистические идеи. Работал в подпольной группе И.А. Худякова, арестован по «каракозовскому делу». В 1867—1868 гг. вместе с бывшими каракозовцами организовал революционную коммуну «Сморгонская академия». Зимой 1868—1869 гг. принял участие в студенческом движении в петербургских высших учебных заведениях, вместе с С.Г. Нечаевым возглавил его левый фланг, ориентированный на создание революционной организации для поддержки ожидавшегося крестьянского восстания. В марте 1869 г. был арестован из-за причастности к выходу прокламации «К обществу», спустя два года был приговорен на «процессе нечаевцев» к 1 году и 4 месяцам тюрьмы и по отбытии срока был сослан на родину, в Великолуцкий уезд Псковской губернии. В декабре 1873 г. при содействии кружка «чайковцев» бежал за границу.

В эмиграции быстро разошелся с большинством русских революционных эмигрантов, придерживавшихся пропагандистских и бунтарских (бакунистских) идей. Вместе с группой русско-польских эмигрантов с конца 1875 г. в Женеве издавал журнал «Набат», выступая с позиций бланкизма. В это же время участвовал в создании глубоко законспирированного «Общества народного освобождения», налаживавшего связи с «якобинцами» в России. В 1880 г. участвовал в потерпевших провал попытках перевода типографии «Набата» в Россию и сотрудничества с «Народной волей». Вероятно, все эти неудачи и упадок революционного движения в России после гибели Исполнительного Комитета «Народной воли» в 1881 г., а также крайне бедственное материальное положение Ткачева способствовали развитию у него органического заболевания головного мозга. В конце 1882 г. он оказался в больни-

це для душевнобольных, где и пребывал до дня смерти.

Опубликовано в книге: Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Том III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.

Комментарии научного редактора (латинскими буквами): Роман Водченко.

Примечания Б.П. Козьмина (римскими цифрами)

**Пётр Ткачёв
Новый фазис
революционного движения [I]**

Публичная казнь, совершенная 4 августа революционерами над шефом российских жандармов и главою царских шпионов[II], навела, как и следовало ожидать, панический страх на все консервативные элементы нашего общества; и, вероятно, под влиянием этот панического страха у них вырвалось роковое признание... они признали, что мы — сила, сила страшная, сила, с которою нужно считаться[III]. До сих пор они не переставали уверять и себя и других, что в крепостной вотчине русского царя никакой революционной партии не существует и существовать не может, что в ней все обстоит благополучно, все счастливы и довольны, всюду тишь да гладь, да божья благодать. Если в ней и попадаются иногда *безумцы*, — известно, в семье не без урода, — занимающиеся разными «превратными толкованиями» и играющие в конспирации, то они ни для кого и ни для чего не могут быть опасны, серьезным людям не стоит даже обращать на них внимание: это какие-то несчастные, недоучившиеся недоросли, безвредные мечтатели, глупые мальчишки, жалкие, микроскопические «моськи», ла-

ющие на несокрушимого слона самодержавия. Слону достаточно только захотеть, и он одним поворотом своего хобота сметет их с лица земли.

Так смотрели на нас еще вчера российские консерваторы из либералов. Сегодня, — сегодня вы их не узнаете: куда делось их олимпийское спокойствие, их самонадеянная уверенность в силе и несокрушимости охраняющего их слона самодержавия? Они совершенно потеряли голову, они перепуганы, они трепещут — и перед кем же? Перед вчерашними мальчишками, перед вчерашними «моськами», перед горстью недоучившихся недорослей и шалопаев!

«Отечество в опасности! — воскликнули они: — под ногами нашими клокочет огненная лава, нужно принять меры, нужно вырвать зло с корнем», — и они с мольбою обращают свои испуганные взоры к будочникам и иным блюстителям общественной тишины и спокойствия. Будочники и иные «блюстители», чувствуя на своей груди холодное лезвие революционного кинжала, перепуганы не меньше их, они мечутся, как угорелые. Усу-

губляются меры полицейской бдительности; сотни, тысячи людей обшариваются, заарестовываются, замуравливаются в каменные мешки императорских тюрем, устанавливаются повсюду военные суды, чуть не вся верноподданная Россия объявляется на военном положении и предается во власть обезумевших от страха третьеофделенских и жандармских баши-бузуков. Воскресают «муравьевские времена», снова воцаряется белый террор[IV].

Разумеется, для нас, революционеров, он несколько не опасен. Напротив, мы с радостью приветствуем его, как нашего желанного друга и союзника. Возбуждая повсюду ненависть и недовольство, он создает наиболее благоприятные условия для нашей деятельности, он подготавливает почву для торжества наших идей. Правда, он грозит нам в то же время виселицей и расстрелом, он объявляет нас вне покровительства законов, охраняющих жизнь и свободу царских верноподданных... Но тем для нас лучше. До сих пор нас томили по несколько раз в разных «предварительных» тюрьмах, в крепостных казе-

матах и острогах в ожидании *правого* сенатского суда; теперь же нам обещают столь же *правый*, но несравненно более *быстрый* военно-полевой суд. Что же? Нам остается только поблагодарить царя за его царскую милость. Прежде нас замучивали медленной смертью в сибирских шахтах, в шлиссельбургских подземельях, в виленских и харьковских *централках* — теперь нас хотят без дальнейших пыток вешать и расстреливать. Царские палачи, очевидно, предупреждают наши желания, большего снисхождения к себе мы никогда и не требовали. После того, что они заставляли и заставляют нас испытывать, разве мы можем страшиться смерти? Наш дорогой товарищ и наш славный мученик Ковальский[5] показал им, как мы умеем умирать[6]. И они знают, что Ковальский — не исключение. Знают это и господа либералы, и их начинают уже мучить тяжелые предчувствия: они смутно понимают, что мы неуязвимы для громов и молний белого террора, что эти громы и молнии целиком обрушатся на их же собственные верноподданнические спины. Насульвав на нас царских палачей, они сами же

первые и начинают их трусить. «Нет, поют они теперь на разные тоны и лады, — мерами строгости ничего с ними не поделаешь, чем больше их давят и преследуют, тем сильнее и отважнее они становятся!..»

Насилу-то догадались! Только не слишком ли поздно? Теперь уже никакими мерами, в том числе и теми, о которых вы платонически мечтаете в ночной тиши своих спален, но о которых вы никогда даже не решитесь намекнуть при свете дня, вы не остановите революционного движения. Оно вступает теперь уже в свой конечный высший фазис развития. Посмотрите, с какою поразительною, с какою неудержимою быстротою разрослось оно за эти последние годы.

После неудачного исхода нечаевского заговора[a] оно на минуту как будто приостановилось; наступила временная реакция. Начались толки о невозможности революции в настоящем, о необходимости постепенной подготовительной работы, о мирной, словесной пропаганде, о выжидании того счастливого момента, когда *сам народ* сознает свои права и обязанности и т. д.[b] Вы радовались, вы с

удовольствием потирали себе руки. «Ну, — думали вы, дело революции откладывается в долгий ящик; мы можем, значит, спокойно почивать на наших либеральных лаврах. Революционеры сворачивают на дорогу *мирного* прогресса, они становятся под наше знамя. Вместе с нами они затягивают достолюбезную песню о *годеньи и выжиданьи*... Мы победили!..»

Но вы радовались слишком рано. Прошло каких-нибудь два-три года, и от прежних, пришедшихся вам так по вкусу революционно-реакционных программ не осталось и клочка. Они всеми забыты, они сданы в архив; если о них теперь и вспоминают, то разве для того только, чтобы посмеяться над ними. Кто теперь из искренних революционеров решится говорить о *выжидании*, о развитии и революционизировании народа путем мирной, словесной пропаганды, о том, что *меньшинство* не имеет права призывать народ к революции, если *большинство* народа не доросло еще до сознания своих прав и обязанностей и т. п. Жизнь на первых же порах убедила нас в практической неосуществимо-

сти теории *выжидания*, и не только в ее практической неосуществимости, но и в ее глубокой безнравственности. *Выжидать* в то время, как нас и наших братьев мучают, преследуют, убивают; *безмолвно смотреть*, как повсюду дикое самоуправство и грубый произвол топчут в грязь человеческие права и ругаются над человеческою личностью; заниматься *разговорами* и робкими *внушениями* исподтишка, когда кругом вампиры-эксплуататоры жадно упиваются народною кровью и вырывают из его рта последние куски черствого хлеба; смиренно принимать заушения палачей, утешая себя мыслью, что рано или поздно наступит минута, когда народ сознает свои права и по собственной инициативе восстанет на своих тиранов; голодному, ограбленному, забитому непосильным трудом рабочему советовать терпение и покорность, — да может ли быть что-нибудь гнуснее, бесчестнее, возмутительнее?

Благоразумные люди говорят, что «*силу соломой* не сломишь», что единичные протесты не приводят ни к каким полезным результатам, что они задаром только губят протестан-

тов, что, пока нет силы сломить врага, нужно ему покоряться, нужно делать вид, будто ничего не видишь и не слышишь, а когда он бьет в одну щеку, с кротостью агнца подставлять другую. По их мнению, в этом-то именно *уменьи сдерживать себя* и заключается вся суть благоразумной нравственности. Но благоразумные люди забывают, что они имеют дело с живыми людьми и что живой человек лишь тогда только и может сделаться «благоразумным» по их рецепту, когда в нем окончательно будет забито и вытравлено всякое непосредственное нравственное чувство. Но люди с окончательно забитым и вытравленным нравственным чувством и не пошли бы никогда «в стан погибающих за великое дело любви», т.е. они не могли бы быть революционерами.

Революционеры, выразители передовой общественной мысли, воплоители высших нравственных идеалов, перестали бы быть революционерами, изменили бы своему призванию, пошли бы наперекор своей природе, если бы они, увлекшись советами «благоразумных» людей, сносили бы с кротким без-

молвием и смиренномудрым терпением дикие расправы, наглое самоуправство над нами и кругом них, ежедневно, ежечасно совершаемые самодержавным произволом. Они должны были протестовать, и они протестовали. Среди повального раболепия, среди гробовой тишины обширной российской темницы раздался их теплый и энергичный голос: «Тираны, эксплуататоры, народные палачи, ненавистные тюремщики, вы богаты, могущественны и сильны; вы сильны народным невежеством, народною нищетою, раболепием общества; вы опираетесь на миллионы штыков, в вашем распоряжении миллионы преданных вам слуг и клеветов; мы — ваши невольники, мы скованы по рукам и ногам, у нас нет ни ваших богатств, ни вашей власти, ни войска, ни полиции, ни жандармов; у нас есть только безграничная любовь к народу, безграничное уважение к человеческой личности и к человеческим правам. И во имя этой любви, во имя поруганных вами прав человека, мы не позволим вам больше безнаказанно пить кровь народа, безнаказанно давить и мучить наших братьев. Око за око, зуб

за зуб, кровь за кровь! Наши материальные силы далеко не равны: вас много, нас мало; вы вооружены с головы до ног, мы же выходим против вас почти с голыми, руками, как Давид против Голиафа. Но за нами великая нравственная сила, которой[V] нет у вас. Эта нравственная сила — глубокое сознание правоты и святости нашего дела — поддержит и укрепит нашу руку, обеспечит нам победу в нашей неравной борьбе. Довольно было протестовать на *словах*, мы будем протестовать *фактами*. Никакие убеждения здравого смысла не могли вас образумить, вы были глухи к самым справедливейшим и естественнейшим требованиям народа; своими казнями, своими насилиями, своими преследованиями вы убедили нас, что с вами нельзя говорить разумным человеческим языком, мы будем теперь говорить с вами кинжалом и револьвером. Насилие можно обуздывать только насиланием же. Может быть, и кинжалы, и револьверы вас не образумят, но по крайней мере они отомстят вам за проливаемую вами кровь народа, кровь наших братьев».

Ряд казней, совершенных над шпионами в Одессе, Петербурге, Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону[VI], казнь Гейкинга[VII], Мезенцова, выстрел в Трепова и Котляревского[VIII], вооруженное сопротивление при арестах в Москве и Одессе[IX], геройская битва на Садовой улице[X] — все эти и многие другие в этом роде факты доказали нашим врагам, что у нас, революционеров, слово не расходится с делом, они доказали также, насколько наша нравственность выше и чище нравственности буржуазного общества. В то время, как это жалкое, дряблое, раболепное общество с подбострастным трепетом лизало и лобзало душившую его руку, когда оно с кротостью агнца само обнажило свою изъязвленную спину и добровольно подставляло ее под новые и новые удары жандармской нагайки; в то время, когда оно с трусливым равнодушием взирало на эти муки и пытки, которым предавались его собственные дети, в это время всеобщего нравственного растления, унижительно-го холопства и невольного трепета, мы и одни только мы явились мстителями за поруганную личность, за втоптанную в грязь че-

ловеческие права.

«Что побудило вас стрелять в Трепова?» — спрашивали судьи Веру Засулич. «Я не могла допустить, — отвечала она, — чтобы надругательство над человеческою личностью осталось безнаказанным».

В этих простых и скромных словах торжественно был высказан тот высокий нравственный мотив, который побуждает нас в интересах общественной самозащиты взяться за кинжал и револьвер. Во имя этого мотива совершены были казни над шпионами-предателями, во имя этого мотива казнены были Гейкинг и Мезенцов. Какой же нравственный урод осмелится после этого называть эти казни гнусными убийствами, вроде, напр., убийства Ковальского? Кто может быть настолько тупоумен, чтобы не понять, что люди, действующие под влиянием подобного мотива, не простые заурядные убийцы из-за угла, что они воплощители и исполнители требований высшей народной справедливости, чистейшей, истинно человеческой нравственности?

Но оставим в стороне чисто нравственный

характер совершенных нами казней[XI]. Помимо своего нравственного значения, они имеют еще и другое и с нашей точки зрения еще более важное значение. Указывая на высокое развитие нравственного чувства в среде наших революционеров, они в то же время указывают и на пробуждение среди них сознания необходимости прямой, непосредственно-революционной практической деятельности. *Подготавливать, развивать, мирно пропагандировать и выжидать*, пока большинство народа подрастет до понимания своих прав и обязанностей, все эти и им подобные символы революционно-реакционных программ прошлых лет перестали, очевидно, удовлетворять современному настроению революционной молодежи. Она стремится встать теперь на чисто революционный путь и своим примером, своею смелостью увлечь за собою по этому пути и народ. Таким образом, вместо того, чтобы заниматься *подготовлением* средств для приготовления революции, они стараются вызвать непосредственный протест; иными словами, они снова возвращаются к нашим старым революционным

традициям, тем традициям, которые на минуту были как будто забыты и на которые постоянно указывал наш журнал, традиции, с точки зрения которых задача революционера должна заключаться не в подготовке, а в непосредственном осуществлении революции. Под непосредственным осуществлением революции подразумевается обыкновенно уничтожение всех органов государственной власти, упразднение современного государства, установление на место самодержавного, эксплуататорского *самоуправства* широкого свободного *народоправства*. Само собою разумеется, что эта конечная, высшая задача революционной деятельности может быть поставлена и с успехом разрешена лишь совокупными усилиями всех наличных сил революционной партии, действующих по одному общему плану, друг другу взаимно помогающих; одним словом, она может быть поставлена и разрешена лишь в том случае, когда все отдельные, изолированно стоящие революционные кружки и группы сомкнутся в одну стройную дисциплинированную организацию. Отдельному, изолированному кружку,

из каких бы смелых и энергических личностей он ни состоял, такая задача не под силу; еще менее она под силу той или другой отдельной личности, стоящей вне кружковой организации. Подготовка и осуществление государственного переворота требует широкой и разнообразной деятельности в различных направлениях и в различных местностях; между тем каждый единичный кружок приурочивает обыкновенно свою деятельность к одной какой-нибудь местности, либо к одному какому-нибудь социальному делу. Вот почему революционная деятельность, ставящая своей целью непосредственное осуществление общественного переворота, только и возможна при полном объединении деятельностей всех или по крайней мере большинства единичных революционных кружков. И действительно история всех революций показывает нам, что такое объединение деятельностей единичных кружков всегда и повсюду предшествовало непосредственному насильственному перевороту.

В подготовительный период кружки, разединенные своими программами или каки-

ми-нибудь своими личными отношениями, ревниво оберегают свою самостоятельность и действуют каждый по собственной инициативе и под собственную ответственность. Но чуть только у них является сознание необходимости непосредственно-революционной деятельности; чуть только они начинают сходить с пути *подготовления* на путь *осуществления* революции, они сейчас же чувствуют потребность в взаимном сплочении, в дисциплинировании своих единичных деятельностей, в подчинении их одному общему плану и руководству. Так было и в России перед восстанием декабристов, так было в Польше перед революциями 31 года и 1863 года, так было и во Франции перед революциями 30-го и 1848 года; так было и в Венгрии перед революцией 1848 года; тот же факт повторялся несколько раз и в истории революционных движений в Италии и Испании. Он необходимо должен повторяться теперь и у нас, раз наши революционеры сознают необходимость непосредственно-революционной деятельности. Казни, совершенные в последнее время над шпионами и их шефами, вооруженное со-

противление, оказываемое при арестах, уличные демонстрации и т. п., — все эти факты, как мы сказали выше, несомненно доказывают, что сознание это уже пробудилось среди наших революционеров. Бок о бок с его пробуждением должна идти организация революционных кружков, должно начаться объединение и дисциплинирование их единичных деятельностей. В противном случае оно никогда не [будет] в состоянии осуществиться на практике, силы революционеров будут тратиться на мелочи, и революционеры, несмотря на все свое желание непосредственно-революционной деятельности, по-прежнему будут заниматься лишь чисто подготовительною работою, дело по-прежнему будет откладываться в долгий ящик. Вот почему, признавая вполне все великое нравственное и агитаторское значение таких явлений, как казнь Гейкнига, Мезенцова, вооруженное сопротивление в Одессе и т. п., мы тем не менее утверждаем, что на подобные казни и демонстрации следует смотреть лишь как на одно из *средств*, а совсем не как на *цель* и главную задачу революционной деятельности. Для

развития революционного дела в России будет в высшей степени вредно, если и это *средство* будет возведено в *цель*, как раньше были возведены в *цель* распространение запрещенных книжек, хождение в народ, местные бунты и другие более или менее частные эволюционные средства. Кто забывает за средством *цель*, тот тем самым удаляется от осуществления этой *цели*. К несчастью, однако, при отсутствии сильной дисциплинированной организации, при отсутствии единства и солидарности в деятельности единичных революционных групп и кружков иначе и быть не может. Каждый отдельный кружок, приурочивая свою деятельность к осуществлению какой-нибудь частной специальной задачи, соответствующей вкусам, развитию и потребностям его членов, до такой степени увлекается ею, что в конце концов начинает смотреть на нее как на главную и единственную задачу революционной деятельности вообще. Казни наших врагов, местные бунты, вооруженные сопротивления нашим палачам — все это вещи в высшей степени полезные и необходимые как для удовлетворения

нашего нравственного чувства, так и для революционизирования общества, но не они составляют конечную цель нашей деятельности. Мы стремимся не к уничтожению того или другого *лица*, воплощающего в себе те или другие функции современной государственной власти, мы стремимся к уничтожению самой этой *власти*, к освобождению народа не от гнета того или другого из слуг данного государства, а от гнета самого государства. Революционеры ни на секунду не должны упускать из виду этой своей основной задачи. Но для того, чтобы с успехом осуществить ее, они должны сомкнуться в тесную, солидарную, строго дисциплинированную организацию. Только объединение деятельностей единичных кружков, только подчинение их общему плану и руководству предохранит нас от смешения частных средств революционной деятельности с ее главной целью; только при таком объединении и подчинении мы приходим теперь к сознанию необходимости в непосредственно-революционной деятельности, вполне, всецело осуществится на практике[XII].

Потому нынче более, чем когда-либо, каждый искренний, каждый честный революционер должен употреблять все свои усилия к упрочению и расширению революционной организации. Несколько лет тому назад, когда большинство революционеров не сознавало еще необходимости непосредственно-революционной деятельности, потребность в организации не могла чувствоваться с такою силою, с такою настоятельностью, с какою она чувствуется теперь. Теперь же, когда это сознание пробудилось, на всех лежит обязанность утилизировать его в интересах скорейшего осуществления революции, — иными словами, мы все обязаны стараться о такой комбинации революционных сил, при которой они всецело могли бы быть направлены на непосредственное произведение государственно-социального переворота. Следовательно, вопрос о революционной организации является в настоящее время насущным вопросом минуты.

Примечания

Статья «Новый фазис революционного движения» была напечатана в № 5–6 «Набата» за 1878 г. и перепечатана в «Ораторах-бунтовщиках»[с].

[с] Полное название брошюры — «Ораторы-бунтовщики перед русской революцией. На тему: необходимо приступить немедленно к тайной организации, без которой неммыслима политическая борьба». Брошюра была опубликована в 1880 г. в Женеве без указания авторства. В ней были собраны программа журнала «Набат» и передовые статьи этого издания, написанные Ткачевым.

[^^^]

Имеется в виду убийство шефа жандармов генерала Мезенцова. 4 августа 1878 г. Мезенцов, совершавший утреннюю прогулку, был заколот кинжалом на Михайловской площади в Петербурге. Сопровождавший Мезенцова подполковник Макаров пытался задержать «злумышленника», — им был С.М. Кравчинский, — но это ему не удалось, вследствие того, что товарищ Кравчинского А.И. Баранников выстрелил в Макарова из револьвера. Кравчинскому и Баранникову удалось вскочить на заранее приготовленную пролетку, которой правил А.Ф. Михайлов и скрыться от преследования. Казнь Мезенцова произвела большое впечатление на общество, убедившееся в том, какого опасного врага имеет для себя правительство в лице революционеров.

[^^^]

Ткачев имеет в виду правительственное сообщение, опубликованное 20 августа 1878 г. в № 186 «Правительственного вестника». Инициатор опубликования этого сообщения товарищ министра внутренних дел Л.С. Маков рассчитывал таким путем «вызвать Россию на протест против преступных деянии шайки мерзавцев, посягающих на основы государственного, общественного и семейного порядка» (из письма Макова главному начальнику III отделения Селиверстову от 5 августа 1878 г.; см. **Богучарский В.** «В 1878 г.» («Голос минувшего», 1917 г., № 7—8, стр. 127). В правительственном сообщении говорилось о том, что правительство «отныне с неуклонною твердостью и строгостью» будет преследовать революционеров. «Но, говорилось в правительственном сообщении, — как бы ни были тверды и стойки действия правительства, как бы строго и неуклонно ни следовали исполнители правительственных мероприятий велениям их долга и совести, с каким бы презрением и гражданским мужеством ни относились

правительственные власти к повторяемым угрозам шайки злодеев, — правительство должно найти себе опору в самом обществе и потому считает ныне необходимым призвать себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учение, навязываемое народу при помощи и самых превратных понятий, и самых ужасных преступлений». Вследствие этого, правительство обращалось ко всем «верноподданным» с призывом всеми зависящими от них мерами «способствовать правительству к искоренению нашего общего внутреннего врага».

[^^^]

IV

Имеется в виду знаменитый М.Н. Муравьев, прозванный «вешателем» за жестокую расправу с поляками в Литве во время польского восстания 1863 г. После выстрела Каракозова он был назначен председателем следственной комиссии. В целях искоренения «крамолы» им был произведен ряд арестов и закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», которые Муравьев обвинял в революционизировании молодежи. Эпоха после покушения Каракозова тогда же была названа эпохой «белого террора».

[^^^]

Ковальский был членом «Общества народного освобождения»[XIII]. — *Прим. ред. «Набата».*

[XIII] Речь идет об известном революционере 70-х годов И.М. Ковальском, расстрелянном 2 августа 1878 г. по приговору одесского военно-окружного суда за вооруженное сопротивление, оказанное им при аресте. Сообщение «Набата» о том, что Ковальский был членом «Общества народного освобождения», опровергнутое мемуаристами, писавшими о Ковальском, приобретает характер правдоподобия, после того как Е.Н. Кушевой удалось установить сотрудничество Ковальского в «Набате». См. ее статью в № 4 «Каторги и ссылки» за 1931 г.

[^^^]

См. корреспонденцию из Одессы[XIV]. — *Примечание Ткачева.*

[XIV] В № 5–6 «Набата» за 1878 г. была помещена небольшая корреспонденция из Одессы, автор которой опровергал сообщение какой-то «сыщической газеты» о том, что Ковальский будто бы до последней минуты надеялся на помилование, что он высказывал «истинно христианское смирение и раскаяние», что в момент казни он был смущен и бледен. «Все это ложь, — писал автор корреспонденции. — Ковальский не только не ждал помилования, но он прямо заявил одному лицу, предлагавшему ему похлопотать о смягчении его участи, что он не желает никакого смягчения своей участи и что он ни за что не примет помилования из рук народных палачей. Перед смертью он на беду сыщикам не выразил ни малейшего раскаяния, ни христианского смирения; напротив, он умер совершенно *нераскаянным грешником*, — настолько нераскаянным, что даже прогнал от себя попа, вздумавшего было лезть к нему с

разными, утешениями, увещаниями и выспрашиваниями... Когда ему стали читать приговор, он презрительно махнул головой; “не читайте, — спокойно сказал он своим палачам: — я, ведь, знаю, что там написано; делайте скорее свое дело”. Жандарм хотел завязать ему глаза, он оттолкнул его: “не нужно, я хочу смотреть, как будут в меня целить”. Но глаза ему все-таки завязали насильно». В заключение автор сообщал, что из 12 пуль, выпущенных в Ковальского, попало в цель не больше трех. «Он упал в яму полуживой и заживо был засыпан землею. — Об этих фактах, разумеется, молчит продажная пресса!»

[^^^]

V

В «Набате» явная опечатка: вместо «которой» поставлено «истории».

[^^^]

VI

В 1876 г. в Петербурге был убит шпион Финогенов и в Одессе — шпион Тавлеев. В том же году в Одессе было совершено покушение на предателя Гориновича. В 1877 г. в Петербурге был убит шпион Шарашкин, а в начале 1878 г. в Ростове — шпион Никонов.

[^^^]

VII

Жандармский офицер барон Гейкинг был убит в Киеве 25 мая 1878 г. Григорием Попко[d].

[d] *Попко* Григорий Анфимович (1852–1885) — революционер-народник. Сын священника, студент Петровско-Разумовской академии и юридического факультета Новороссийского университета. В 1875 г. вместе с Ф.Н. Юрковским убил шпиона Тавлеева. В 1876 г. устанавливал связи с русской революционной эмиграцией в Париже; по возвращении вел пропаганду среди крестьян. В мае 1878 г. заколол жандармского ротмистра Гейкинга, в августе того же года был арестован. Спустя год на «процессе 28-ти» был приговорен Одесским военно-окружным судом к пожизненной каторге на Каре. В 1880 г. с товарищами совершил побег из Иркутской тюрьмы, но был пойман и присужден к двум годам кандалного срока и на три года прикован к тачке. В 1885 г. умер на каторге от туберкулеза или водянки.

[^^^]

VIII

24 января 1878 г. В. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова за то, что им был подвергнут телесному наказанию содержащийся в тюрьме по делу о демонстрации на Казанской площади Боголюбов. 23 февраля того же года в Киеве было совершено покушение на товарища прокурора киевского окружного суда Котляревского.

[^^^]

IX

В Москве вооруженное сопротивление оказал А. Цицианов, арестованный 12 августа 1875 г. по делу Всероссийский социально-революционной организации[е], а в Одессе — 30 января 1878 г. И.М. Ковальский и его товарищи.

[е] «Всероссийская социально-революционная организация» — народническая организация, созданная из группы народников-«кавказцев» (И.С. Джабадари, А.К. Цицианов, М.Н. Чикоидзе и другие выходцы из Тифлиса) и кружка «Фричей» — российских студенток в Цюрихе (С.И. Бардина, сестры В.Н. и Л.Н. Фигнер, сестры В.С. и О.С. Любатович и др.). Члены организации вели революционную пропаганду среди рабочих разных городов Центральной России, устраиваясь работать на предприятия; осуждены весной 1877 г. в Особом присутствии Правительствующего Сената («процесс 50-ти»).

[^^^]

Х

24 июня 1878 г. в Одессе закончилось слушание процесса Ив. Ковальского и его товарищей, оказавших вооруженное сопротивление. По приговору суда Ковальский был осужден на смертную казнь. В этот день перед зданием суда собралась большая толпа молодежи, численностью до 3 000 человек. Когда приговор стал известен собравшимся, они устроили шумную демонстрацию. В ответ на это полиция и войска, заранее приготовленные одесской администрацией и занимавшие все улицы, ведущие к суду, открыли по толпе огонь. Двое демонстрантов были убиты и до 20 человек — ранено. Ночью полицией были произведены многочисленные аресты.

[^^^]

XI

Эти слова Ткачева вызвали протест со стороны группы русских эмигрантов. В № 8–9 «Общины» за 1878 г. появилось «Необходимое разъяснение», подписанное И. Бохановским, Л. Дейчем, В. Засулич, С. Кравчинским и Я. Стефановичем[f] и датированное: Лондон, 20 октября 1878 г.

«Мы считаем своей обязанностью заявить: Что все те кружки, деятельности которых обязаны мы устранением нескольких шпионов, выстрелом в Трепова, убийством Гейкинга, Мезенцова, вооруженными сопротивлениями при аресте; деятельности которых обязаны мы социально-революционным движением в России, *за все последние шесть лет*, как в среде интеллигенции, так и в среде народа, — эти кружки не подчинены никакой центральной власти. Они организованы на началах федеративных и признают основным принципом своих убеждений, что *освобождение народа должно быть делом самого народа.*

Не для русских социалистов делаем мы это заявление: им хорошо известны социаль-

но-революционные убеждения стрелявшей в Трепова, сопротивлявшихся нападению жандармов при арестах и мстивших за мучения своих товарищей убийством Мезенцова: они прекрасно знают, что ни к какой централизованной организации, ни к какому “Обществу народного освобождения” эти люди не принадлежали: что же касается до “Общества народного освобождения”, то никаких проявлений его существования ни мы, ни наши друзья не замечали...

Нужно ли прибавлять, что у русских социалистов-революционеров ни с издателями “Набата”, ни с теориями, которые они проводят, ничего общего быть не может»[g].

[f] *Бохановский (Бобырь-Бохановский)* Иван Васильевич (1848–1917) — российский революционер. Из дворян Полтавской губернии, студент юридического факультета Киевского университета (исключен в 1875 г.), участник «хождения в народ», член киевских революционных кружков. Арестован в 1875 г., проходил по «делу 193-х», в 1876 г. в административном порядке отправлен под особый надзор полиции без права покидать место жи-

тельства, ушел в подполье. В 1876 г. принимал участие в организации покушения на провокатора Н. Гориновича, в 1877 г. — в организации тайного крестьянского общества и подготовке восстания в Чигиринском уезде («Чигиринский заговор»). Арестован 6 августа 1877 г., в мае 1878 г. бежал из тюрьмы, выехал за границу. Работал в заграничных народо-вольческих типографиях, затем руководил эсеровской типографией «Революционной России». Умер в Брюсселе. *Дейч* Лев (Лейба-Гирш) Григорьевич (1885–1941) — видный деятель российского и международного революционного движения. Родился в еврейской купеческой семье, с 1874 г. — член народнических кружков, бакунист. В 1876 г. арестован за участие в побеге из тюрьмы С. Лурье, бежал, перешел на нелегальное положение. Участник покушения на провокатора Н. Гориновича (1876), один из организаторов тайного крестьянского общества и подготовки восстания в Чигиринском уезде («Чигиринский заговор»), арестован в 1877 г., в 1878 г. бежал из тюрьмы, эмигрировал. Член «Земли и воли» с 1879 г., после раскола организации примкнул

к «Черному переделу». В 1883 г. был в числе основателей первой русской марксистской группы «Освобождение труда», организовал издание и нелегальную переброску в Россию марксистской литературы. В 1884 г. арестован в Германии по делу о покушении на Горинича, выдан царским властям, осужден на 13 лет 4 месяца каторги. Отбывал на Каре. В 1896 г. вышел на поселение, в 1901 г. бежал через Японию и США в Швейцарию, вошел в руководство газеты «Искра», был кооптирован в администрацию Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Участник II съезда РСДРП (1903), с момента съезда — меньшевик. В 1905 г. нелегально вернулся в Россию, в 1906 г. арестован, сослан в Турханский край, по дороге бежал, эмигрировал. Вернулся в Россию после Февральской революции, стал одним из лидеров меньшевиков-оборонцев, редактировал меньшевистскую газету «Единство». После Октябрьской революции отошел от политической деятельности, работал в Историко-революционном архиве, занимался изданием архива Г.В. Плеханова. С 1928 г. на пенсии. Автор работ по ис-

тории революционного движения и мемуаров. *Кравчинский* (литературный псевдоним *Степняк*) Сергей Михайлович (1851–1895) — революционер-народник, выходец из дворян, писатель. Участник «хождения в народ» в 1873 г., за что подвергся аресту. Бежал, эмигрировал в Швейцарию. В 1875–1877 гг. участвовал в восстании против власти Османской империи в Боснии и Герцеговине. Затем вернулся в Москву, где участвовал в организации и исполнении нескольких дерзких побегов из тюрем своих друзей. Бесперспективность народнического движения вынудила Кравчинского эмигрировать второй раз. В 1877 г. участвовал в вооруженном восстании бакунистов в итальянской провинции Беневенто. В 1878 г. вернулся в Россию и примкнул к «Земле и воле», в августе 1878 г. по приговору «Земли и воли» казнил шефа жандармов Н. В. Мезенцева (Мезенцова). После этого вновь эмигрировал. За рубежом стал известным писателем, автором книг, посвященных освободительному движению в России; основал «Общество друзей российской свободы», которое, помимо прочего, выпускало англоязычный

ежемесечник «Свободная Россия»; организовал «Фонд вольной русской прессы», издававший и переправлявший в Россию агитационную литературу. *Стефанович* Яков Васильевич (1853–1915) — российский революционер-народник. Сын священника Конотопского уезда Черниговской губернии, студент Киевского университета (на втором курсе ушел в подполье). В революционном движении с 1873 г., член кружка «чайковцев» и группы «бунтарей», участник «хождения в народ». В 1876 г. участвовал в покушении на провокатора Н. Гориновича. Главный организатор тайного крестьянского общества и подготовки восстания в Чигиринском уезде («Чигиринский заговор»). Арестован в 1877 г., в мае 1878 г. бежал из тюрьмы, эмигрировал. В 1879 г. нелегально вернулся в Россию, вступил в «Землю и волю», был одним из основателей «Черного передела», вел пропаганду среди крестьян. В 1880 г. вновь эмигрировал, в ноябре 1881 г. вернулся в Россию, вошел в Исполнительный Комитет «Народной воли». Арестован 6 февраля 1882 г. в Москве. На «процесс 17-ти» осужден на пожизненную катор-

гу, замененную по конфирмации 8-летней. Отбывал на Каре, в 1891 г. вышел на поселение в Якутии. С 1905 г. жил в Черниговской губернии, от политической деятельности по состоянию здоровья отошел.

[g] Нетрудно заметить, что в этом споре между русскими революционерами Петр Ткачев оказался дальновиднее, по сути, за год предсказав возникновение строго централизованной партии — «Народной воли». Народовольцы — опять же, словно следуя словам Ткачева, — рассматривали террор лишь как средство, но не как цель саму по себе. Исследования историка Н.А. Троицкого («Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983; Крестоносцы социализма. Саратов, 2002 и др.) доказали, что «Народная воля» имела связи с десятками рабочих, гимназических, студенческих, военных и местных кружков (суммарно — до трехсот групп), имела широкую поддержку в среде интеллигенции, выпускала пять периодических изданий. Оформленное членство в организации имело порядком пятьсот человек, число участников и соучастников могло достигать двадцати ты-

сяч. Из этого числа в террористических актах участвовало лишь двадцать рядовых членов и тридцать шесть членов и агентов Исполнительного комитета партии, которые в большей степени были заняты пропагандистской, агитационной, организаторской, издательской и прочей деятельностью, а не террором.

[^^^]

XII

Очевидно, в этом месте имеется какая-то ошибка или пропуск, исправить которые нет возможности.

[^^^]

а

Под «нечаевским заговором» подразумевается левое крыло студенческого движения в 1868–1869 гг. Подробнее о движении и роли в нем Нечаева и Ткачева см. статью Б.П. Козьмина «П.Н. Ткачев», <http://saint-juste.narod.ru/tkachev0.html>.

[^^^]

b

Обвинения в «подготовлении» и «выжидании» Ткачев в своей революционной пропаганде традиционно предъявлял П.Л. Лаврову. Подробнее о расхождении в их взглядах см. статью Б.П. Козьмина «П.Н. Ткачев», <http://saint-juste.narod.ru/tkachev0.html>.

[^^^]